

Культура. — 1998. — 9-15 июля. — с. 13

Кому время — как вечность...

Предыстория создания Девятой симфонии Шнитке

На премьерe в Москве присутствовал Юрген Кехель, давний друг Альфреда Шнитке и издатель его произведений, директор гамбургского музыкального издательства Ханс Сикорский. Предлагаем вашему вниманию его заметки.

В связи с мировой премьерой Девятой симфонии Альфреда Шнитке я хотел бы рассказать предысторию появления этого произведения. Оно создавалось в 1996–97 годах, начато было через 20 месяцев после того, как на Альфреда обрушилась его последняя болезнь. Год перед тем трагическим днем в июне 94-го был чрезвычайно плодотворным: испытывая подлинный прилив вдохновения, он сочинил 16 произведений, из которых только два остались незавершенными. Особым стимулом для этого необыкновенного творческого свершения был рабочий план — список с названиями сочинений, а также с именами друзей и исполнителей, которым композитор непременно хотел посвятить свой опус. Казалось, он предчувствовал наступление болезни и потому постоянно держал этот план перед глазами.

Тяжелейший инсульт — судьба в третий раз вырвала перо из его рук. Первый раз такой удар сразил его в 85-м году, тогда он должен был прервать работу над своим грандиозным Первым виолончельным концертом. Однако, очнувшись после комы, продолжавшейся несколько недель, он без всяких трудностей включился в работу: «Я сел и стал писать дальше так, как будто только вчера прервал свою работу».

Второй удар случился летом 91-го, во время работы над оперой «Жизнь с идиотом». Впервые Альфреда охватил страх, что он разучился сочинять. Он избегал подходить к своему письменному столу, на котором лежали готовый первый акт и дирекцион второго. Спустя шесть недель — телефонный звонок: я должен зайти, он хочет показать мне что-то важное. Когда через несколько минут я пришел, он показал мне маленький кусочек бумаги, не больше кассового чека, на котором я увидел запись двух тактов со сложной серией аккордов, состоящей из шести-восьми голосов. «Юрген, посмотри, я еще могу сочинять музыку!» Это было как освобождение — через восемь недель он закончил инструментовку второго и третьего актов оперы.

Третий удар постиг его за письменным столом. На сей раз в середине работы за оркестровкой и перепиской; это было пятнадцатое, почти законченное произведение, две последние части которого существуют только в виде дирекциона. Это сочинение еще не было названо автором, и я дал ему рабочее название «Кантата на стихотворения XV и XVI столетий». Последняя часть представляет собой музыкальное сопровождение проникновенного текста немецкого мистика Якоба Беме, в котором есть строки, как нельзя более применимые к самому Шнитке: «Кому время — как вечность и вечность — как время, тот освобожден от любого спора».

Однако к этому произведению он больше не обращался, поскольку

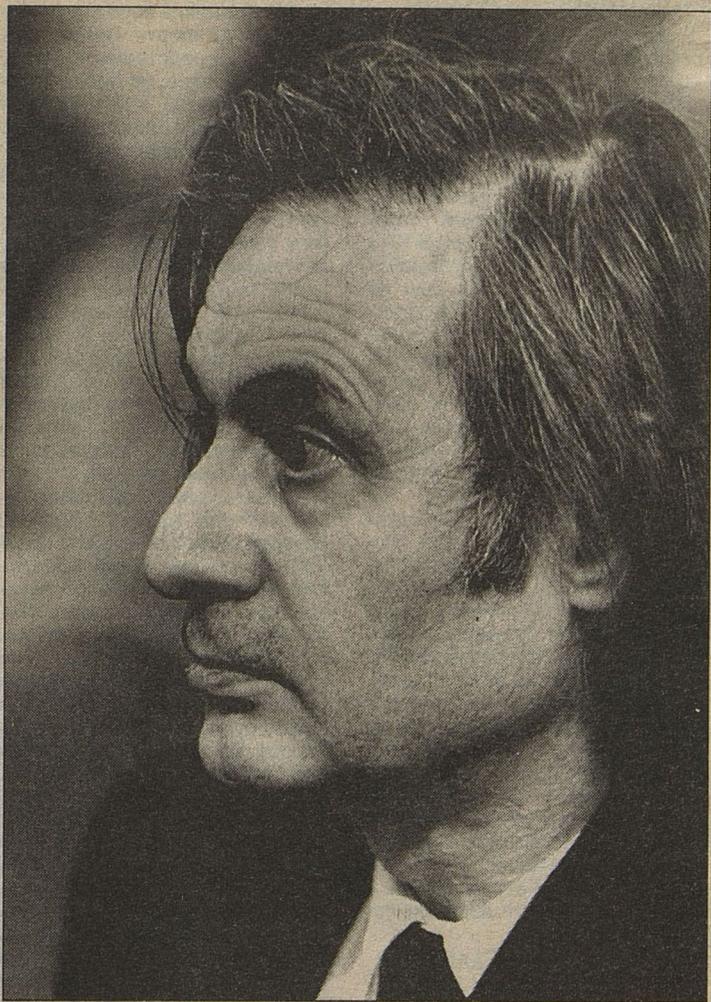

Фото Э. ЛЕВИНА

Альфред Шнитке

у него уже созрел замысел совершенно другого сочинения — Девятой симфонии. Очень решительно, с необычайным эмоциональным подъемом начал Альфред работу над этим сочинением. Хотя это и стоило ему невероятных физических усилий. «Глупая правая рука», уже давно не «послевавшая» за стремительным движением его музыкальной мысли, была теперь полностью парализована. Преодолев собственное сопротивление, с большим трудом писать левой рукой. Этой победе над собой он прежде всего обязан своей жене Ирине, неустанно заботящейся о нем. Пользуясь случаем, хочу выразить бесконечную благодарность этой замечательной, храброй женщине, которая снова и снова вселяет в Альфреда мужество, побуждает его улыбаться, продолжать работать и жить.

Он писал без всяких набросков, без обычного дирекциона, прямо «в партитуру». И какое это было графически сложное начало — медленная часть, состоящая из совсем маленьких, интенсивно движущихся шестнадцатых и тридцатых вторых нот. Дрожащая линейная запись позволяет понять, какой это был невероятный труд для человека, впервые пишущего левой рукой. Следующая часть, Allegro, писалась уже легче. Я часто навещал Альфреда и видел, как он был горд проделанной работой. Каждый раз просил подвезти его коляску к письменному столу и показывал мне новые страницы партитуры. Так я смог проследить ход раз-

вития произведения, из третьей части — по крайней мере две трети (до 45-й страницы партитуры).

«Завершенное, совершенное произведение», — высказался маэстро Рождественский после того, как в первый раз прочел партитуру симфонии.

Девятую симфонию отличают черты, которые уже 30 лет назад были присущи чрезвычайно смелой Первой симфонии, сконцентрировавшей в себе все характерное для будущего творчества Альфреда Шнитке: необычайно контрастные звуковые пласты, вкрапление знаковых ритмов марша и вальса, введение яркого джазового эпизода (в этот раз для саксофона соло) и, как всегда, неожиданный эпилог — эффектное стилевое средство, быть может, идущее от симфонизма Шостаковича. Здесь также можно расслышать отзвуки более поздних сочинений. Девятой симфонии присущ обнаженный пафос «Пер Гюнта», есть обширный раздел, написанный в размере 5/4, который также любил Шостакович и к которому Шнитке с удовольствием обращался, например, в своих операх и балетах.

Симфония, таким образом, отражает различные периоды жизни и творчества композитора. Его творчество описало огромный круг, вот почему мы с таким напряжением ожидали первого исполнения этого сочинения — некой на данный момент итоговой точки. Альфред Шнитке больше не может говорить. Но он говорит с нами своей музыкой.

Юрген КЕХЕЛЬ

22